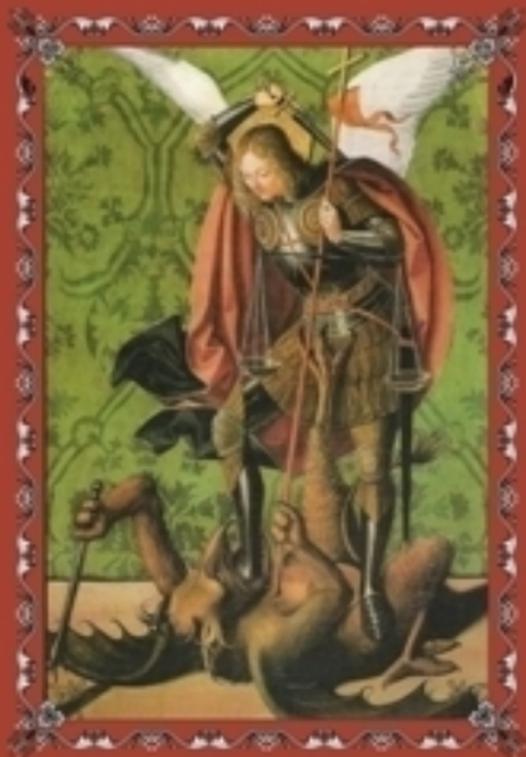

Виталий Иванов

ОХРАНИТЕЛЬ!

европа

Виталий Вячеславович Иванов

Охранитель!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004575

Охранитель: Европа; М.; 2007

ISBN 978-5-9739-115-8

Аннотация

В книге собраны публицистические и экспертные статьи Виталия Иванова, написанные в 2005–2007 годах. Автор определяет себя как охранителя и антиреволюционера, то есть последовательного сторонника власти и приверженца правых взглядов, враждебного одновременно левачеству и либерализму. Нисколько не скрывая своей ангажированности, напротив, всячески ее подчеркивая, он разбирает базовые политологические понятия (суверенитет, демократия, нация и пр.), анализирует идеологические опыты представителей власти, критически деконструирует тексты российских оппозиционеров (Илларионова, Белковского, Рогозина, Рыжкова) и зарубежных критиков Кремля. Ряд статей посвящен истории и современному состоянию российской партийной системы, отношениям Центра и регионов, избирательным кампаниям последних двух лет. В преддверии федеральных выборов актуальность книги не вызывает сомнений. Для политиков, ученых, преподавателей, студентов, всех интересующихся современной политикой.

Содержание

Предисловие	6
От охранителя	11
Глава I	15
СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРЕТЕНЗИЯ	17
1	17
2	19
3	22
МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ	25
1	25
2	27
3	31
4	33
ДРУГАЯ ЕВРОПА	38
1	38
2	40
3	42
4	46
ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ	51
1	51
2	54
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виталий Иванов

Охранитель

Предисловие

Эта книга о том, как сохранить Россию, как не допустить победы внутреннего врага, – давайте назовем вещи своими словами – предателя. Это книга об элементарной идеологической гигиене, которая позволяет государственно-му организму если не болеть, то по крайней мере не умереть от заразы. Это книга об «охранительстве».

Отдельные наши оппоненты искренне полагают, что «охранительство» – выдумка Путина и что охранители, с приходом в 2008 году на пост президента нового человека, исчезнут, как дым. Ошибаются! Охранители – они же государственники – тем и хороши, что, появившись раз, с политической сцены могут быть убраны лишь силовым путем. Это антитела государственного организма, защищающие его от болезней. Уберите антитела из организма – и достаточно будет малейшей простуды, чтобы свалить гиганта. Так что «эпоха охранительства» может окончиться только вместе с Россией.

Само понятие «охранительство» наша вечно оппозиционная интеллигенция постаралась сделать не просто враждебным, даже неприличным. Та же публика – разьедавшая и обрушившая страну сто лет назад, ничему не научившись, пытается сделать то же самое вновь. Сюжет, собственно, описан дедушкой Крыловым (типичным, кстати, охра-

нителем), называется «Свинья под Дубом». Именно для защиты государственного Дуба от таких вот свиней и нужны «охранители». Потому как альтернативой «охранителю» является «вредитель».

Вообще сочинять некое предисловие к книге Иванова крайне затруднительно: пересказывать то, что уже изложено, нет смысла. Это тот редкий случай, когда позиции совпадают почти полностью, иногда вплоть до лексики. Поэтому единственное, что остается, это остановиться на этих «почти».

Автор разделяет прежнюю «соревновательную олигархию» и нынешнюю, которую называет «консенсусной», объясняя, вполне адекватно, почему прежняя «соревновательная олигархия» не совместима с жизнью. На самом деле олигархия это и есть власть. Ни в какой другой власти олигархи не нуждаются. Главной чертой олигархии является слабое, точнее, «вырожденное» государство, где формальный правитель существует только постольку, поскольку позволяют олигархи. Это не терминологический нюанс, это вечные российские качели: олигархические элиты, узурпирующие власть и доводящие страну до катастрофы, и сильная власть, обращающаяся к народу через голову элит для спасения страны. Это «привычная травма» российская – измена элиты. И всегда – обращение «олигархов» к внешнему врагу, чтобы он защитил ее привилегии от дикого народонаселения. Нынешняя власть и формируемая ею новая элита,

как бы к ней ни относиться, по этому признаку олигархией не является. «Олигархов» в смысле настоящей полноты власти у нас нет, и завестись они могут только на трупе России.

Весь разговор о суверенной демократии не имеет смысла, если не обеспечены предпосылки суверенитета, то есть достаточная степень могущества экономического и политического, чтобы противостоять внешнему диктату. Это, собственно, хорошо понимает автор. И в связи с этим формулирует различия между «империей» и «державой». Мол, если империя всегда стремится к экспансии, то держава может обладать достаточным могуществом, не становясь империей. На самом деле империи (и современные империи, и исторические) отнюдь не всегда стремились к экспансии. Например, Китай – Поднебесная империя – за определенными рамками всегда тяготел к жесткому изоляционизму.

Империя – это не экспансия сама по себе, а в первую очередь – осознание некоей миссии: духовной, религиозной, цивилизационной. Где экспансия не является имманентным признаком, а определяется характером, пониманием этой самой миссии. Поэтому слово «империя», если кого-то оно почему-то коробит, скорее можно было бы заменить «цивилизацией», чем «державой», поскольку здесь важен наднациональный – ценностный аспект.

Возникает ощущение, что эта самая отдельная «держава» понадобилась для того, чтобы как-то оправдать «огры-

зочность» нынешней российской империи. Понятие имперской идентичности как противовес «национально-этнической» или «гражданско-общечеловеческой» позволило бы избежать некоторой вязкости, когда речь заходит о так называемом русском вопросе.

Банальные стенания об отсутствии «русской нации», на мой взгляд, – издержки универсализма, попытки сформулировать национально-государственные понятия в неких единых «общечеловеческих ценностях». Таких форм на самом деле нет. И не только для России и русских.

Заимствование форм политической организации очень мало связано с заимствованием содержания. Например, японский послевоенный парламентаризм, по форме сильно смахивающий на британский, по содержанию гораздо ближе к сменяющим друг друга тайландским военным диктатурам, чем к британскому образцу.

Что касается собственно России и русских, то русские – это всего-навсего имперскообразующий народ. Это этнос, который не может существовать вне более широкой имперской общности. Вопрос достройки нации, более или менее подогнанной под западную политологическую терминологию, – это вопрос достройки империи. Такой империи (или «цивилизации»), где вечный спор «российский или русский» будет лишен всякого смысла, поскольку внутри и так все всем понятно, а что думают «снаружи», не имеет никакого значения. К тому же содержание спора не переводимо на «сна-

ружные» языки.

Собственно, единственное, в чем не соглашусь с автором, – в чрезмерном старании дистанцироваться от неполиткорректных понятий. Как и от самой нынешней кремлевской власти. Такой подход несколько ограничивает воображение в области возможных вариантов развития как собственно российского государства, так и текущего политического процесса. Тем более что именно в силу «суверенного» характера нынешнего российского режима влияние внешних факторов на выбор таких вариантов прямо пропорционально попыткам нам эти «варианты» навязать извне. А так все абсолютно верно. Можно сказать – катехизис охранительства. Очень полезное чтение.

Михаил Леонтьев

От охранителя

Принято считать, что охранитель – это тот, кто последовательно выступает публичным сторонником и защитником действующей власти, существующего общественно-политического строя и сложившегося порядка вещей. В общем это верное определение. Но оно охватывает не только идейных («идеологических») сторонников власти, строя, порядка, но и всевозможных конформистов, карьеристов и обычных наемников. Нельзя отказывать им в праве называться охранителями, хотя границу, безусловно, проводить необходимо. Есть идейные охранители и есть «неидейные». Кроме того, идейные охранители между собой тоже довольно сильно различаются. Грубо говоря, одни поддерживают режим, потому что считают его политику правильной и эффективной, а другие – поскольку видят некие серьезные угрозы, перед лицом которых нужно забыть о своих претензиях к власти и стать на ее сторону.

Себя я отношу именно к последним.

Все 1990-е я был оппозиционером. Человек, исповедующий правые государственнические взгляды, тогда мог быть только оппозиционером. Режим соревновательной олигархии, объявленный «демократией», либерализм и западничество, насаждавшиеся в качестве идейного мейнстрима, цинично выдававшаяся за «свободу слова» медиакратия, сами

личности Ельцина, Гайдара, Чубайса и прочих вызывали отвлечение, переходящее в ненависть.

Разумеется, я, как и подавляющее большинство россиян, одобрял многие начинания Путина в 2000–2001 годах, в частности централизацию власти. Но считал его не более чем продолжателем Ельцина, который в целом ограничился косметическими мерами. Однако в дальнейшем становилось все очевиднее, что в путинизме продолжают в основном только позитивные элементы ельцинизма (а таковые были, например президентский «царизм», заложенный в Конституции 1993 года). И главное, начались подвижки, не сводимые к «косметике». Соревновательная олигархия сменялась консенсусной, либерализм и западничество вытеснялись государственничеством и патриотизмом, медиакратия выкорчевывалась, деятели прошлого царствования «перевоспитывались» в добровольно-принудительном порядке или лишались власти. Разумеется, это делалось зачастую непоследовательно, «несистемно», но все же «на выходе» стала получаться страна, жить в которой уже не стыдно.

К концу первого путинского срока я уже не мог назвать себя оппозиционером. Хотя и лоялистом, а тем более «путинцем» тоже не мог. Событием, заставившим меня, что называется, окончательно определиться, стала «оранжевая революция» на Украине в 2004 году. А если точнее, то восторженная реакция всевозможных «любителей демократии», которые спят и видят, как бы реставрировать по-

рядки 1990-х, или просто жаждут «движухи». Понятно, что воспроизвести «оранжад» в России невозможно, однако от соответствующих попыток (и их деструктивных последствий) мы, увы, не застрахованы. Есть и интересные-спонсоры, и потенциальные исполнители... Можно как угодно относиться к Путину и путинизму, но даже обсуждение в положительном или нейтральном ключе каких-либо «революционных» проектов и сценариев есть зло в чистом виде. Ведь в конечном счете они нацелены на максимальное ослабление и даже частичную десоверенизацию России.

Обо всем этом я написал в статье «Антиреволюционер», опубликованной в январе 2005 года, и развивавших ее тезисы статья и колонках, выходивших в течение всего года (они сложились в книгу, выпущенную издательством «Европа» в декабре).

Любой охранитель в наши дни – непременно антиреволюционер, а любой антиреволюционер – охранитель. Вначале я хотел назвать сборник наиболее важных статей 2006–2007 годов просто «Антиреволюционер-2». Но в итоге выбрал то название, которое теперь стоит на обложке. Тем более, что в последнее время я несколько расширил «фокус» и писал не только о «революции» и «революционерах».

Я благодарю издательство «Европа», «Русский журнал» (www.russ.ru), «Взгляд» (www.vz.ru) и «Известия», а также лично Глеба Павловского, Владимира Мамонтова, Константина Рыкова, Алексея Чадаева, Никиту Гараджу,

Сергея Чугаева и Алексея Гореславского за предоставляемую мне возможность публиковать свои тексты.

Также я благодарю своих друзей и коллег Олега Матвейчева, Вадима Балытникова, Дмитрия Гусева, Артема Качура, Глеба Кузнецова, Алексея Никольского, Василия Кашина и Михаила Тульского за активную помощь и поддержку.

Отдельное спасибо моей жене Елене, которой теперь часто доводится быть первым читателем и редактором всего, что я пишу.

Глава I

ТЕОРИЯ

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРЕТЕНЗИЯ

Вокруг понятия «суверенитет» в последнее время сломано немало копий. Очевидно, что многих споров удалось бы избежать, если бы классическое определение суверенитета было подвергнуто конструктивной ревизии.

1

На наших юридических факультетах учат понимать суверенитет как верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории. Но, увы, практически не учат критически разбирать классические определения и творчески их переосмысливать. В итоге часто приходится сталкиваться с откровенной схоластикой и фетишизацией.

Согласно современным представлениям, государство есть политическая организация, предполагающая наличие трех элементов: обособленной территории, населения, проживающего на этой территории и образующего нацию, и публичной власти, которая распространяется на эту территорию и которой подчиняется это население (нация), то есть государственной власти. Государство либо учреждено его населением.

ем – нацией, либо переформатировано им через своих представителей по итогам революции, освободительной войны, реформ и т. п. Именно нация является носителем суверенитета и источником власти. Именно нация непосредственно выступает правителем-сувереном (на выборах, референдумах и т. п.), и властный аппарат в принципе подчинен и подотчетен ей. Но при этом нация в целом и каждый конкретный ее представитель в отдельности одновременно ограничены своим подчинением государственной власти (иначе какая это власть?). Получается, что она – самоограниченный суверен.

Куда логичнее, на мой взгляд, исходить из того, что объективная необходимость во власти уже есть ее источник, что носителем суверенитета выступает государство в целом, и что реализует суверенитет властный аппарат, должный выражать и защищать интересы нации и в целом быть зависимым от нее.

Однако не все так просто. Ведь в любом государстве устанавливается правопорядок, регламентирующий в том числе осуществление власти, а значит, ограничивающий суверена вне зависимости от того, кого им считать и кто им действительно является – монарх ли, нация, государство в целом. Кроме того, неизбежное вступление в международное общение – заключение договоров, участие в деятельности международных организаций, автоматически влечет ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверена-

ми, которые, в свою очередь, тоже ограничивают свои суверенитеты.

2

Многие теоретики государства считают, что самостоятельное ограничение суверенитета не влияет на само его наличие, что, самоограничивая свой суверенитет внутри себя или вовне, государство его не утрачивает и т. д. Проблема в том, что «подчиненный суверен» есть абсурд. «Ограниченный суверенитет», «самоограниченный суверенитет» – никакой не суверенитет. Это хорошо понимал Жак Маритен, выдающийся критик понятия суверенитета, писавший о трех его значениях:

1) государство обладает абсолютной независимостью по отношению к другим государствам, никакой «международный закон» не может быть воспринят непротиворечивым образом;

2) государство принимает не подлежащие обжалованию решения, обладая «абсолютно высшей властью» («И эта абсолютная власть суверенного государства (...) над народом тем более неоспорима, что государство принимают за (...) персонификацию самого народа»);

3) государство реализует власть неподотчетно.

Важно также помнить, что сама идея суверенитета была разработана в конце XVI

века во Франции посредством обобщения опыта противостояния королей римским папам и подчинения феодалов королевской власти в XIII–XVI веках. Нужно также учитывать, что к тому времени как раз потерпели окончательное поражение универсалистские проекты папства и Священной Римской империи.

Система внешних суверенитетов непосредственно отсчитывает свою историю с Вестфальских договоров 1648 года, поставивших точку в Тридцатилетней войне и фактически демонтировавших империю.

Идея суверенитета, таким образом, противоположна идеям империи и надгосударственных объединений, более того, она изначально плохо совместима с международным правом, которое, как уже сказано, всегда ограничивает суверенитет.

Однако чем больше возрастала потребность в межгосударственной кооперации, чем больше росла роль договоров, конвенций, пактов и международных объединений, организаций, тем меньше возможностей для реализации суверенитета оставалось у государств.

Никто не отменял и того факта, что сильные всегда стремятся подчинять себе слабых, решать за их счет свои проблемы и самоутверждаться. Но даже сильные государства, способные вмешиваться в дела других, – державы – не могут считаться суверенными, поскольку выступают активными субъектами международного права и связаны им.

Практика раздела державами сфер влияния в Европе, им-

периализм и колониализм, Версальская и Ялтинско-Потсдамская системы, деятельность Лиги Наций, а затем ООН, а также негативный опыт суверенизации многих бывших колоний (особенно африканских) и прочее постоянно опровергали классическую теорию и в целом, и в частности.

В этой связи очевидно, что нужно выделять и разводить формальный суверенитет – декларацию, соответствующую теоретическим определениям, нормативно оформленную, – и суверенитет фактический.

О фактическом суверенитете следует говорить не как о данности, а как о претензии. Претензии политической организации на независимость, самостоятельность во внешних и верховенство во внутренних делах, признаваемой другими политическими организациями с аналогичными претензиями. Претензии, которая в полном (в описанном в теории) объеме никогда не реализуется и реализоваться не может, однако все равно должна отстаиваться всеми возможными и допустимыми способами. Претензии, позволяющей провозгласить и предъявить формальный суверенитет и реально получить ту или иную степень автономии, то есть ограниченной независимости и верховенства.

Государство до тех пор действительно государство, пока оно успешно претендует на фактический суверенитет. Именно эта претензия при ее признании и реализации в границах возможного позволяет однозначно отличить государство от любой другой политической организации.

После крушения СССР Запад достиг апогея своего могущества, США – главная западная страна – остались единственной сверхдержавой. Западноевропейские государства стали на путь уже не только фактической, а формальной десоверенизации, объединившись в Евросоюз. Одновременно стали просматриваться вполне четкие контуры куда более масштабного универсалистского проекта – системы, если угодно, глобального суверенитета, глобальной власти, осуществляемой сетевой структурой, образованной руководством западных держав, Евросоюза, транснациональных корпораций и международных организаций вроде ВТО, МВФ и прочих, своего рода мировой империи (об этом много пишут, в частности, известные неомарксисты Майкл Хардт и Антонио Негри). Можно говорить о претензиях отдельно взятых США или Запада в целом на роль метрополии в империи, при этом речь по факту идет скорее об их привилегированном положении, особой роли. Несмотря на многочисленные противоречия между западными странами, несовпадения национальных и имперских интересов, этот проект продвинулся достаточно далеко. Вместе с тем с учетом углубляющегося системного кризиса Запада, роста экономик и политических амбиций Китая и Индии, «бунта» Ирана, «левого марша» в Латинской Америке и т. п. легко

представить себе в перспективе как его полный провал, так и существенную коррекцию, которая выльется в формирование совершенно полицентрической структуры. В ней Запад либо не получит привилегированного положения, либо очень быстро его утратит.

Перед Россией в начале 1990-х стоял ясный выбор: или полностью встать в фарватер Запада, или начать самостоятельно добиваться места под солнцем, сочетая заимствование и сотрудничество с конкуренцией и даже конфронтацией. Последнее означало выдвижение суверенных претензий – имея в виду конечно, империю на основе России, – предъявление нашей страны как державы. Вряд ли кто-то мог сомневаться, что мы выберем второй путь. Вся наша история это предопределяла.

В 1990-е годы Россия претендовала на суверенитет, мягко говоря, непоследовательно и неэффективно, хотя попытки были (можно вспомнить многое – и первую чеченскую войну, и марш-бросок на Приштину и т. д.). Тогда установился режим соревновательной олигархии. Правила «соревнований» установились предельно свободные, государственная власть была слаба, экономика еще не пришла в себя после советского кризиса и «реформ» Гайдара – Чубайса. При Путине положение изменилось – соревновательная олигархия сменилась консенсусной, начала выстраиваться «вертикаль власти». Восстановительный рост, а затем ряд успешных реформ и мероприятий, осуществленных путинской админи-

страцией и правительством, и, конечно, дорожание нефти и газа на мировых рынках помогли стабилизировать социально-экономическое положение, а последнее также позволило предьявить Россию как энергетическую державу (мне больше нравится формулировка «ядерно-энергетическая держава»).

Потребность в идеологической и пропагандистской «упаковке» этой новой реальности вызвала к жизни концепт суверенной демократии. Но это уже другая тема¹.

¹ Статья написана в августе 2006 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Вряд ли есть в политическом лексиконе более затасканное слово, чем «демократия». Что им только не обозначают и кто им только не клянется. Доброй порцией масла в огонь перманентной дискуссии о демократии стало понятие суверенной демократии. Одни утверждают, что это всем демократиям демократия, другие – что это вообще не демократия.

1

Демократия – это политический режим (система организации власти – формальной и неформальной), существовавший в ряде древнегреческих городских республик и описанный античными философами и историками. Хрестоматийным примером выступает афинская демократия, практика которой была подробно обобщена Аристотелем. Античные демократии предполагали народовластие, максимальную «симфонию» народа и власти, то есть прямое управление государством народным собранием и через максимально широкое народное представительство.

Однако опыт тех же Афин показывает, что подобное возможно лишь при наличии целого ряда условий:

- 1) ограниченной территории;
- 2) ограниченной численности населения;
- 3) незначительного социального неравенства;
- 4) минимальных – в допустимых для данного (рабовладельческого) общества пределах – цензовых ограничений пассивного и активного избирательного права: в Афинах политическими правами обладали только примерно 50 тысяч местных мужчин;

5) наличия у граждан времени для участия в политической деятельности и государственном управлении (это обеспечивалось рабовладением). Следует также учитывать, что в повседневной жизни демократия легко оборачивалась господством толпы, которая, по словам Плутарха, «того, кто ей потакает, влечет к гибели вместе с собой, а того, кто не хочет ей угодить, обрекает на гибель еще раньше».

При увеличении территории государства, численности его населения, дифференциации социальной структуры и т. п. прямое народное правление и широкое народное представительство становятся невозможными. (Нужно также помнить, что прецедентов, аналогичных афинскому, в истории было весьма немного, да и в Афинах не всегда была демократия.) Кстати, в силу этих же факторов становится принципиально невозможным и правление одного (автократия), для которого необходима еще более примитивная общественная структура. Поэтому абсолютное большинство всех существовав-

ших и существующих политических режимов есть самые настоящие олигархии.

Это слово обычно употребляют в негативном контексте, хотя исходно оно означает лишь «правление немногих». Восточные деспотии или тем более европейские абсолютистские режимы, несмотря на огромную власть монархов, на деле также были организованы олигархически. Ни один фараон, султан или король не управлял государством единолично. Естественно, не были демократиями ни республика Святого Марка (Венеция), ни ганзейские города, ни Господин Великий Новгород. В общем, демократии и автократии – это крайне редкое исключение из общего правила.

С античных времен мы не обнаружим демократии на государственном уровне нигде, она встречалась и встречается только на уровне общинного, корпоративного, муниципального самоуправления. Именно поэтому, как представляется, при рассуждениях на темы государства, политического режима и т. п. требуется отделять демократию («историческую» античную демократию) от современной демократии.

2

Современной демократией можно назвать комплекс правовых и политических институтов, обеспечивающих гражданам определенный набор личных, политических, экономических и т. п. прав и свобод, право на участие всех же-

лающих граждан в управлении государством, учет их интересов и мнений при выработке, принятии и реализации государственных решений. Принципиальное значение имеют выборы, а также референдум – это системообразующие институты. Таким образом, **современная демократия – это уже не политический режим, а составляющая политического режима**, позволяющая характеризовать его как демократический.

Современные демократии начали формироваться в XVIII–XIX веках (где-то, например, в Швейцарии – даже раньше), когда просвещение и промышленная революция стали успешно разрушать доиндустриальные социальные и культурные иерархии, когда расширился доступ к образованию, результатом чего стало появление культурно более-менее однородных обществ. Тогда носителями культур, опирающихся на письменность, становились уже не только элиты, а практически все. Это в свою очередь влекло за собой пробуждение национального самосознания и в итоге формирование наций – сообществ, основанных на культурной и исторической самоидентификации, сопровождавшееся широким распространением идей, утверждавших политическую субъектность наций или вообще объявлявших их единственным источником государственной власти.

Запустился процесс революционной и/или реформаторской модернизации, на выходе стали получаться государства-нации (впоследствии формирование государств-наций

стали стимулировать, появились искусственные государства и искусственные нации, в XX веке «государств-ненаций» в мире практически не осталось). Раз нация субъект и даже источник власти, то и составляющие ее граждане тоже и субъекты, и даже источники, которые, естественно, должны иметь права и пользоваться свободами. Следование этой логике и в теории, и на практике приводит к современной демократии. Да, то же всеобщее избирательное право утвердилось не сразу, и долгое время его понимали в лучшем случае как всеобщее избирательное право мужчин. Но, как говорится, прогресс не остановишь, надо только начать...

Разумеется, право на участие в управлении государством, обычно сводящееся к активному избирательному праву и праву на участие в референдуме, а также право высказывать свое мнение, вовсе не означает собственно участия в управлении. В государствах-нациях легитимность власти основывается на прямом или косвенном народном волеизъявлении, власть формально приобретается или пролонгируется, по общему правилу, по итогам выборов (и легитимность многих современных монархов тоже опирается на волю соответствующих наций, которые некогда пожелали сохранить, восстановить либо даже учредить монархию). Но формирование и воспроизводство властных элит (и контрэлит), выдвижение на олигархические позиции, ротации в олигархатах и тем более текущее осуществление власти происходит практически совершенно обособленно от основной массы

граждан.

Безусловно, нынешние олигархии, мягко говоря, многим отличаются от тех, с которыми имел дело тот же Аристотель. Но суть – «правление немногих» – осталась неизменной. И никакие революции или победы на выборах оппозиционных несистемных деятелей ничего принципиально не меняют. То, что кто-то «оседлал историю», уловил и грамотно использовал народные настроения, вовсе не означает установления демократии в ее античном понимании. Чувствительность современной власти к общественному мнению также не стоит принимать за проявление народовластия. И в доиндустриальную эпоху правители обычно прислушивались к своим народам, признавали свою зависимость от них, а потому заигрывали.

Реальность такова, что все править не могут. И правят немногие, «от имени и по поручению» остальных. Вопрос только в том, насколько интересы правящих совпадают с интересами остальных, насколько адекватно и ответственно осуществляется управление, насколько исповедуются принципы солидарности.

Практически любой современный политический режим официально аттестует себя как демократический, а фактически является олигархическим. Современная демократия не исключает, а дополняет олигархию, придает легитимность олигархическим режимам, прикрывает и укрепляет их. Формулировки вроде «власть принадлежит народу», «народ взял

власть», «народ лишили власти», если только они осознанно не используются в пропагандистских и иных подобных целях, бессмысленны. У народа нет власти, народ не правит. Современная демократия лишь создает соответствующую иллюзию (разной степени убедительности – в каждом конкретном случае), дает народу, отдельным «простым людям» возможность где-то как-то повлиять на власть, защищает их от откровенного произвола. И все.

3

После Второй мировой войны наибольшую социально-экономическую эффективность стали демонстрировать страны Запада. Тамошние режимы, опирающиеся в первую очередь на либеральные идеологические принципы (конституционализма, парламентаризма, разделения властей, идеологического плюрализма и т. д.), отвергнувшие диктаторские, «тоталитарные» методы управления, не только определяют себя как демократии, но фактически ввели «демократическую религию» и активно используют соответствующую риторику в своей внешней политике, пропаганде, PR. В этих условиях западные институты и форматы институтов современной демократии стали восприниматься как эталоны и все активнее перениматься или насаждаться. Деграция советского проекта и крушение СССР лишила Запад единственного конкурента, способного продвигать альтернатив-

ную модель (советскую демократию) в глобальном масштабе.

Фарид Закария в своей книге «Будущее свободы» выделяет «либеральные демократии» (западные режимы), «либеральные автократии» (режимы, насаждающие западные порядки нелиберальными методами, – пиночетовский в Чили, чанкайшистский на Тайване и т. п.) и «нелиберальные демократии» (режимы, использующие демократические институты для легитимации нелиберальных практик, – в их число попал путинский режим). Китайский, иранский и тем более северокорейский режимы в этой связи следует охарактеризовать как «нелиберальные недемократии» (хотя в Иране, например, проводятся по-настоящему альтернативные выборы).

Получается, что чем ближе к западным олигархиям тот или иной режим, тем он демократичнее. И наоборот. Советская демократия, исламская демократия в этой логике – во все не демократии.

Несмотря на то, что западные модели современной демократии обычно плохо приживаются в незападных странах, и их приходится серьезно корректировать, адекватной альтернативы им в целом еще никто в мире не предложил. Ни для себя, ни для других. И все так или иначе заимствуют и копируют. Кто-то больше, кто-то меньше. Вечно так не будет, тем более что Запад, как ни банально это звучит, все глубже увя-

зает в системном кризисе. Однако пока имеем то, что имеем.

Учитывая, что Россия – европейская страна, наш нынешний копиизм если и не оправдан, то вполне объясним. Можно вспоминать о том, что в 1988–1990 годы можно было хотя бы пойти по «китайскому пути». Но толку-то... Поезд давно ушел.

Однако копиизм копиизму рознь. Различия между порядками 1990-х и нынешними видны невооруженным глазом, при том что путинизм исторически есть прямое продолжение ельцинизма.

4

Теперь о суверенной демократии. Это понятие стало активно внедряться в официальную риторику «Единой России» и близких к Кремлю политиков, общественных деятелей и экспертов с весны прошлого года. Тогда же Путин в своем очередном послании парламенту провозгласил: «Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути».

За год сформировался целый корпус текстов о суверенной демократии, как апологетических, так и полемических. Своего рода «согласование несогласованных канонов» было произведено Владиславом Сурковым в его «февральской лекции» для слушателей Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России» и ряде других публичных выступлений. Партия власти объявила о том, что идея суверенной демократии станет одной из основ ее идеологии и программы на выборах в 2007 году. Более того, ее взял на вооружение и Сергей Иванов, считающийся одним из кандидатов в преемники. В своей программной статье «Триада национальных ценностей», опубликованной недавно в «Известиях»², он включил суверенную демократию в триаду наряду с сильной экономикой и военной мощью.

Высказывалось и много критики, причем не только оппозиционерами, «революционерами» и западными товарищами во главе с самим Бушем. Примакова и Медведева, например, ни к одной из этих групп отнести нельзя. Можно выделить две основные претензии. Во-первых, зачем к «демократии» прибавлять какие-то другие слова? Дескать, создается впечатление, что речь идет о какой-то особой современной демократии или вообще не о демократии. Во-вторых, в западной политологии используется понятие *sovereign democracy*, которое на русский язык дословно переводится как «суверенная демократия». Однако на самом деле за-

² Известия. – 2006. – 13 июля.

частую sovereign надо переводить не как «суверенная», а скорее как «национальная». Соответственно под sovereign democracy там понимают совсем не то, что мы сейчас вкладываем в «суверенную демократию». Получается, что якобы берется чужое понятие, в которое якобы вкладывается новый смысл.

По поводу первого следует для начала напомнить, что в теоретической политологии существует множество понятий, вроде «непосредственная демократия», «представительная демократия», «плебисцитарная демократия», «плюралистическая демократия», «либеральная демократия» и т. д. Большинство этих понятий входит в актуальный политический лексикон. Прибавлять к «демократии» другие слова в полной мере допустимо, а иногда и просто необходимо.

Суверенной демократией можно назвать и технологию, используемую режимом, и режим как таковой. С технологической точки зрения суверенная демократия предполагает самостоятельное (максимально самостоятельное) определение форматов демократических институтов, а вовсе не отказ от них. Назвать суверенно-демократическим можно лишь тот режим, который, развивая такие институты, одновременно отстаивает собственную самостоятельность и соответственно самостоятельность государства настолько, насколько это целесообразно и возможно в современном мире. Так что противопоставлять суверенную демократию демократии (в современном ее понимании) не следует.

Теперь о соотношении суверенной демократии и sovereign democracy. В американской и европейской политологии sovereign democracy имеет три значения:

- 1) государство с политическим режимом западного образца;
- 2) политический режим в западной стране;
- 3) политический режим в стране, подвергнутой «демократизации» – целенаправленной модернизации по западным лекалам, предполагающей отказ от суверенных претензий пусть не полностью, но в значительной части (в качестве синонима часто используют еще young democracy – «молодая демократия»).

В третьем случае sovereign означает уже не «национальная», а «независимая от незападного влияния». Молдавия или Грузия sovereign democracies постольку, поскольку они теперь политически независимы от России, точнее, более независимы, чем были. По сути же это управляемая демократия.

Спорить с тем, что Россия – государство с демократическим политическим режимом западного образца, конечно, можно. Но есть ли в этом смысл? Все базовые институты, описанные в любом учебнике, у нас имеются. То, что форматы институтов отличаются, в данном случае несущественно. Они везде отличаются. А вот «демократизировать» себя мы давно не позволяем. Так что отнесение или неотнесение нас

к sovereign democracies зависит от того, что конкретно имеется в виду. Вывод, по-моему, очевиден. Sovereign democracy и суверенная демократия – разные понятия, и современную Россию можно описывать, используя оба³.

³ Статья написана в августе 2006 г. Первоначальная версия опубликована в «Русском журнале».

ДРУГАЯ ЕВРОПА

Никогда не понимал смысла рассуждений о том, может ли Россия когда-нибудь «стать Европой». Полагаю, что все дискуссии на эти темы есть не что иное, как набор спекуляций, сознательных или вызванных невежеством. Европой (как Азией или Африкой) нельзя «стать». Можно ею быть или не быть.

1

Географически Россия до Урала есть Европа, таким образом, политически континент простерся на востоке до Тихого океана. Причем мы не «продолжение» Европы, каким являются США (вместе с Западной Европой и рядом других «продолжений», в частности Канадой и Австралией, образующих Запад как единый исторический и политический субъект) или латиноамериканские страны. Мы самая что ни на есть историческая Европа. Мы были ею и тогда, когда много кого еще не было и в помине.

Изначально Европа – это христианский мир. Наталия Нарочницкая очень точно сформулировала первичную формулу европейской цивилизации, то, что объединяло немцев, русских, французов, сербов, англичан и прочих европейцев: «Отче наш», Нагорная проповедь – вот общий фундамент

нашей культуры и истории. В нем – отношение к земной жизни как испытанию для жизни вечной, в нем – свобода воли (христианская, а вовсе не либеральная категория), дарованная вместе со способностью различить добро и зло, а значит, возможность дать нравственную оценку своему свободному выбору.

Европа также еще и наследник Рима, римской цивилизации. Исторически это наследие, как и христианство, принималось разными путями и в разных версиях, что предопределило разделение на несколько Европ. Была Византия, византийская Европа, была Европа варварская, ставшая затем романо-германской, – от них пошло потом много разных европейских проектов.

Русь и христианство, и «права» на римское наследие получила от Византии в X веке. Но это, естественно, не исключало общения с другими европейскими странами, и в X–XII веках оно было по меркам тех времен довольно тесным. Но постепенно в силу углублявшихся противоречий между православием и католичеством, закончившихся великой схизмой, пути Европ расходились. Но даже подчинение значительной части русских земель чингисидовской сверхдержаве, а потом Золотой Орде в XIII–XV веках и гибель Византии не отделили, да и не могли отделить русскую цивилизацию от европейской. При том что мы, будучи носителями, распространителями и защитниками правильной веры, стали претендовать на статус «единственных европейцев»: выдвинули док-

трину «Москва – третий Рим», даже провели мифическую родословную Рюриковичей от Пруса, якобы брата императора Августа, подчеркивая уже не византийскую, а непосредственно римскую преемственность.

Исходно Русь, Россия – поствизантийская Европа, православная Европа, русская, российская Европа. С учетом того, что с определенного времени «полноценной», «настоящей» Европой стали считаться только западноевропейские страны, мы – другая Европа.

2

Технический прогресс, Великие географические открытия, запустившие колониализм и, как следствие, рост материального благополучия и могущества, вывели наших западных братьев на передовые позиции в мире. Вполне естественно, что актуализировалась тема отставания, которое надлежит преодолевать. Отсюда импорт технологий, а с ними неизбежно ценностей, идей, институтов, общественных практик.

С конца XVII века православие теряет безусловный авторитет у элиты, та все больше и больше проникается идеей ущербности и вредности российской «инаковости», российский проект размывается через «европеизацию», то есть уже не столько через необходимые заимствования, сколько через искусственное, механическое подражание «настоящей Евро-

пе». Был ли этот процесс неизбежен? Да, ведь делают жизнь по образу того, кто успешнее, или того, кто умеет подать себя в соответствующем качестве. Что с этим можно поделать?

Однако важно то, что полностью отказаться от «инаковости» в XVIII веке было невозможно. Элита элитой, но остальной народ еще долго держался за свою веру, и всерьез посягать на нее никто не пытался. Она в свою очередь создавала препятствия, которые «европеизация» преодолеть пока не могла или преодолевала очень медленно. Кроме того, несмотря ни на что «настоящие» европейцы «своими» нас не признавали: либо вообще считали «азиатами», либо объявляли «отпавшими», а потому подлежащими исправлению и сдерживанию. Почему? Во-первых, опять же из-за православия. Во-вторых, из-за очевидных успехов России и до «европеизации», и после. Ни один поствизантийский православный проект с нашим сравнить нельзя. Мы заявили претензии на статус державы и их реализовали. И нас элементарно боялись. Весь корпус западной русофобской мысли пропитан страхом.

Время шло. Протестантизм и просвещенчество породили модерн, в XIX веке сокрушивший мир традиции и навсегда изменивший Западную Европу, а затем и весь мир.

Россия чему-то сопротивлялась, что-то приспособливалась к своей специфике, но в целом двигалась в модернистском фарватере. Как и везде, шло постепенное, но неуклонное освобождение человека и «человеческого» от «отживших»

ограничений, разрушались старые иерархии, углублялась секуляризация и, в конечном счете, дехристианизация. Православие сдавало позицию за позицией. От российской «инаковости» практически ничего не оставалось.

3

В силу совпадения целого ряда исторических факторов в 1917 году власть в нашей стране перешла в руки марксистов-большевиков – сторонников одной из самых радикальных версий крайне популярной тогда на Западе левой идеологии. Промежуточной целью советского проекта было объявлено уничтожение капитализма и строительство социализма, конечной – установление коммунизма. Сами идеи социализма и коммунизма разрабатывались несколькими поколениями западных леваков. То есть этот проект в своей основе – западноевропейский. В его рамках были с высокой эффективностью произведены преобразования, входившие обязательными компонентами в любую тогдашнюю прогрессистскую программу – от индустриализации до эмансипации женщин.

Однако инерция досоветской общественной структуры, пусть и уже секуляризированной, но все еще во многом традиционной, очень быстро кардинально скорректировала проект, что дало повод исследователям говорить о «консервативной модернизации». Модернизации, при которой со-

храняются – целиком или частично – многие элементы традиционного общества. Можно привести немало примеров, начиная от института колхозов, в которых продолжила жить крестьянская община, правда, основательно выхолощенная, и заканчивая коммунистической квазирелигией и практикой сакрализации высшей власти, персонифицированной в фигуре «вождя». Если совсем обобщенно, то в официально левом советском проекте оказалось слишком много правого. Но осмыслено все это было не сразу.

В 1920-1930-е мы точно оказались «впереди Европы всей» – ведь нигде более антикапиталистические революции успехом не увенчались. Для одних Советская Россия стала едва ли не землей обетованной, другие считали, что наша страна погрузилась в ад. Ни у нас, ни на Западе тогда особо не спорили о том, считать ли «советских» европейцами или нет. Граница проходила по линии капитализм – коммунизм. Хотя уже тогда начались разговоры о том, что Россия неспроста пришла к коммунизму, что за марксистской риторикой скрывается новое издание нашей «инаковости». Но после предъявления альтернативы как либерально-капиталистической модели, так и советскому проекту в виде фашизма и нацизма встал вопрос уже о единстве Западной Европы и Запада.

По итогам Второй мировой войны на лидирующие позиции в мире выдвинулись мы и американцы, и на заново запущенное противостояние «двух систем» начало накладываться-

ся соперничество двух сверхдержав, в котором идеологические противоречия чем дальше, тем больше отходили на второй план.

Тогда на заново консолидированном Западе мейнстримом постепенно стали различные синтезы социализма и либерализма, капитализм «гуманизировался» и все больше «социализировался». Сформировались новые критерии эффективности проектов: теперь, грубо говоря, нужно было не только иметь развитую промышленность, сильную армию и т. п., но и обеспечивать населению возрастающий уровень потребления и свобод (демократии).

Принято считать, что СССР, втянутый в гонку вооружений, надорвался, что его и погубило. На самом деле с хрущевских времен мы втянулись в еще одну гонку – потребления. Достоинно участвовать в двух гонках одновременно не получилось. Да и не могло получиться. Это я, разумеется, не к тому, что не нужно было пытаться удовлетворять «все возрастающие потребности советских людей». У нас тоже стало стремительно складываться «общество потребления», и власть не могла это игнорировать. А к тому, что построенная система не могла эффективно выполнять новые задачи. Она могла в сжатые сроки обеспечить разработку и производство самого продвинутого ядерного оружия, но не повсеместное продуктивное изобилие, например. Была заточена на мобилизацию, а не на обслуживание «общества потребления». И поскольку все попытки перезаточить ни к чему не привели, яс-

но, что проблема носила системный характер.

В уровне свобод соперничать даже не пытались – было понятно, что добром это не кончится.

«Настоящей» Европой окончательно стали считать именно и только Западную Европу потому, что там социализм в смеси с либерализмом демонстрировал всяческую эффективность. Неэффективный «тоталитарный» СССР, естественно, в Европу не вписывался. Тут как раз очень хорошо ложились тезисы про «Азию», «отпадение от Европы», извечную российскую «инаковость», только перекрашенную в красный цвет, а также раздутые мифы о какой-то inferнальной кровожадности советского режима.

В действительности советский проект – явление очень противоречивое. Он, с одной стороны, приблизил Россию к Западу, в чем-то, если исходить из стратегических тамошних трендов, сделал нас «более западными», чем сами «западники» (вспомним агрессивную дехристианизацию, введение всеобщего избирательного права для женщин), а с другой – практически до самого конца сохранял многое из того, от чего в «настоящей» Европе отказались, что изжили целиком или почти целиком. Он обеспечил не только форсированную модернизацию в кратчайший срок между двумя мировыми войнами, но и отладку мобилизационной организации, благодаря которой (главным образом благодаря которой!) была добыта победа в 1945 году, а затем достигнут сверхдержавный статус. Но в 1970–1980-е обнаружилось, что проект ис-

черпался.

Россия в 1917–1991 годах может считаться другой Европой, но уже не в смысле «инаковости», как это имело место до XVII века, а ввиду альтернативного движения по западноевропейскому пути.

4

Кризис и разрушение СССР сопровождались призывами «вернуться в Европу» и даже «вернуться к цивилизации». Go West! В переводе с антисоветско-пропагандистского языка это означало принятие некой версии социалистическо-либерального синтеза. Однако, как и в 1917 году, власть опять досталась радикалам. На этот раз жестким либералам, которые сочетали почти религиозное почитание Запада с острой аллергией к любому социализму. Именно они сформулировали и запустили новый проект – либеральный. Сегодня это наш действующий проект, в который, правда, внесено много правых и левых корректив, особенно в последние годы.

В 1990-х либеральный проект, насколько было возможно, интегрировал нас в «настоящую» Европу на вторичную позицию. Да, нас если и стали признавать за «своих», то равными все равно не считали. Но от своей «инаковости» или «альтернативности» мы отказывались, причем не только на уровне элиты, но и на «народном» уровне. Тот, кто считает иначе, либо игнорирует совсем недавнюю историю, либо

просто тешит себя иллюзиями.

Победа в холодной войне сделала Запад в целом излишне самоуверенным, откровенно наглым. Многие западные страны, в первую очередь США, принялись форсированно «демократизировать» мир, навязывать всем подряд якобы «общечеловеческие» ценности и стандарты, которые при этом сами отнюдь не всегда полностью разделяют, которым не вполне соответствуют. В одних случаях это делается из сугубо миссионерских соображений – мол, надо «окультуривать варваров». В других – «демократизация» выступает всего лишь прикрытием реализации совершенно конкретных политических и экономических интересов. «Новообращенной» России доставалось и достается особо – и как бывшей сверхдержаве (надо же за многовековой страх почитаться), и как чересчур стремившейся к «европеизации», бравшей на себя повышенные обязательства.

Вместе с тем стали просматриваться контуры некой глобальной «империи», идущей на смену национальным государствам, в которой Западу отводится особая интегрирующая и направляющая роль.

Однако в последнее десятилетие Запад подошел к порогу эффективности своих проектов. Перед ним встали проблемы, которые он явно не способен разрешить, – бремя welfare state, старение коренного населения, агрессивное по-

ведение иммигрантских диаспор, небезуспешно пытающихся корректировать общественные форматы под себя, чудовищный кризис морали, порождающий всеобщее разложение, и т. д. Тот же вызов международного терроризма актуализировал тему сокращения свобод, оплачивать комфортную жизнь стало все труднее и труднее.

Поэтому в Западе начали массово разочаровываться. Тем более что параллельно укрепляются экономические и политические позиции, а значит, и увеличиваются претензии как отдельных европейских «продолжений», долгое время находившихся на периферии (Латинская Америка), так и «европеизированных», но тем не менее сохранивших собственный фундамент азиатских стран (Китай, Индия). Все идет к тому, что они перестанут признавать превосходство Запада, и в глобальной империи – если она все же сложится – у того не будет «контрольного пакета».

Россия в этом контексте сейчас переосмысляет себя. Подчиненное положение в «настоящей» Европе исключает для нас державный статус. А Россия не может не быть державой и, едва укрепившись после постсоветского кризиса, взялась восстанавливаться в этом качестве, благо сложилась крайне выгодная конъюнктура на мировых рынках нефти и газа и увеличивается зависимость многих стран от наших поставок. К тому же с нынешними «настоящими» европейцами, дошедшими уже до крайних мерзостей вроде педерастических браков, зачастую просто позорно рядом стоять.

Но легко предлагать «повернуться лицом к Азии», развлекаться всякими евразийскими или даже «византинистскими» фантазиями. Выписаться из Европы нельзя, даже если очень хочется. И сделанного за последние более чем 300 лет не вернешь.

Поэтому нужно вновь предъявить себя как другую Европу. Другую. Европу. Не противопоставляющую себя «настоящей» Европе, Западу – нечего нам кардинально противопоставить, это очевидно. Не пытаться искать альтернативные пути – нет сейчас таких, во всяком случае для нас подходящих. Да и страну под такие дела в очередной раз пришлось бы разворотить, а кто поручится, что мы это выдержим? Надо двигаться по западноевропейской магистрали, во всяком случае в среднесрочной перспективе, сотрудничать, взаимодействовать, но при этом стараться обходить те тупики и ямы, в которых застревают «настоящие» европейцы, стараться минимизировать объективно порождаемые этим выбором проблемы. И одновременно постоянно отстраиваться от того же Евросоюза и США. Мы с вами, но мы не ваши, а свои собственные и хотим такими оставаться. У нас свой суверенитет и своя держава.

Главное – окончательно признать и постулировать, что хотя мы, как все европейцы, приняли личную свободу человека в качестве важной и нужной ценности, но в абсолют ее не возводим и возводить не будем. Что мы знаем и понимаем, к каким негативным последствиям это привело и еще способ-

но привести. За столетия мы переняли много разных идей, институтов, практик и еще, конечно, будем перенимать. Но все это мы не можем и не будем воспринимать как эталон, все это нуждается в адаптации, в приведении к нашему знаменателю.

Если будем успешны (а в успех надо верить, иначе зачем все?), то в один прекрасный день «настоящей» Европой сделаемся мы. Ведь «настоящий» – это, как уже говорилось, тот, кто успешнее⁴.

⁴ Статья написана в июне 2006 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

4 ноября наша страна во второй раз отмечала День народного единства, праздник, в первую очередь символизирующий консолидацию российских граждан вокруг государства (в этой связи лучше было все же назвать его Днем национального единства – дальше я постараюсь объяснить разницу между нацией и народом). Накануне этого дня в публичном пространстве ожесточилась и без того агрессивная полемика между «имперцами» и сторонниками «национального» пути развития государства. Выдвигаются десятки интерпретаций российской истории, от апологетических до негативистско-критических, на их основе формулируются взгляды на настоящее и задачи на будущее. Представляется, что обе стороны излишне мистифицируют сами понятия империи, национализма и т. д., и это приводит их к неверным и даже вредным выводам. В этой связи я счел нужным поделиться собственными соображениями.

1

Империя – это государство, сделавшее с момента создания или на определенном этапе развития целью и смыслом своего существования постоянную внешнюю экспансию (политическую, экономическую, военную, религиозную, куль-

турную, идеологическую), сумевшее мобилизовать необходимые для нее ресурсы и преуспевшее, добившееся значительного территориального приращения посредством войн, колонизации, договорных приобретений, подчинившее своему влиянию другие страны.

Империя всегда держава (или даже сверхдержава), но держава вовсе не всегда империя. Державой нужно называть государство, обладающее достаточными ресурсами для претензий на суверенитет, проведения самостоятельной внутренней и внешней политики, вмешательства в дела других государств и защиты от вторжения в дела собственные (сверхдержава может вмешиваться в дела других держав). Держава-«не-империя» не концентрируется на внешней экспансии, не стремится к территориальному расширению, довольствуется признанием остальными своего державного статуса.

История практически любой империи начиналась с захватнических войн (в том числе США, вспомним Американо-мексиканскую войну 1846–1848 годов). Но опять же любая империя на определенном этапе прекращала завоевания и вела лишь войны оборонительные или призванные укрепить, восстановить либо продемонстрировать имперское влияние в том или ином регионе, подтвердить имперский статус (хотя иракская кампания вполне может считаться завоеванием). Как только империя по тем или иным причинам утрачивает способность

проводить эффективную экспансию, она начинает разрушаться, в первую очередь теряя территории, как зависимые, так и непосредственно входящие в состав государства. Империя также может рухнуть в результате военного поражения или восстания, революции.

Важной составляющей большинства имперских проектов выступают мифы о порядке, мире, процветании, прогрессе, которые приносят человечеству соответствующие империи. Естественно, на практике все не столь однозначно. Многие империи создавались в результате жестокого покорения пассивными воинственными народами своих более культурных соседей, порой гораздо более культурных (хрестоматийные примеры – Ассирийская, Монгольская, Османская империи). Европейский колониализм и агрессивное прогрессорство прервали естественное самостоятельное развитие десятков стран. О Третьем рейхе можно даже не вспоминать. Так что империи, особенно в периоды своего создания и становления, могут принести все что угодно, в том числе хаос, войны, разруху и деградацию.

Из сказанного вовсе не следует, что империи есть зло. Империи, если угодно, неизбежны, а значит, необходимы. Они – главные локомотивы человеческой истории, которая сама по себе не зла и не добра.

Нация – это совокупность граждан государства (или подданных при монархиях) и одновременно совокупность народов и диаспор, живущих в государстве. Согласно современным представлениям, нация выступает одним из трех элементов государства (наряду с территорией и публичной властью) и, главное, самостоятельным политическим субъектом – источником власти и носителем суверенитета. Нация и национальность, народ в этническом смысле, то есть этнос, есть разные национальные общности.

Этнос – это общность, исторически сложившаяся на определенной территории, объединенная языком и культурой, обладающая стойким сочетанием самобытных этнических (антропологических, психологических) свойств, воспроизводимых от поколения к поколению.

Нация – это национальная общность, сформировавшаяся на базе, как правило, нескольких этносов, объединенная языком и культурой, а также тем, что называют «историческим путем», создавшая государство или модернизировавшая уже существовавшее.

Хотя довольно часто государственное строительство или переустройство и национальная интеграция шли одновременно и параллельно (как во Франции, где нация окончательно консолидировалась после революции). Теоретически

в совершенно моноэтнических государствах народ и нация могут совпадать. Только где кто встречал такие?

Тот этнос, представители которого играли ключевую роль при создании государства и несут далее основное бремя по поддержанию его бытия, нужно считать государствообразующим. Обычно к государствообразующему народу (государствообразующим народам) принадлежит большинство граждан (или подданных), он выступает основой и стержнем нации и потому имеет особый формальный или неформальный статус (к примеру, только его представитель имеет реальные шансы возглавить страну).

Национализм можно определить в первую очередь как мировоззренческую установку, основанную на осознании и переживании человеком, людьми своей принадлежности к определенной национальной общности – этносу (народу, национальности, племени) или нации, к которой они принадлежат с рождения или в которую влились. Отсюда следует, что бывает национализм этнический (этнонационализм) и национализм государственный (госнационализм).

Современный этнонационализм предполагает, что в рамках нации не стираются и не могут стереться границы между составляющими ее этническими элементами, что они должны сохранять свою идентичность и иметь возможность ее предъявлять, что их собственная национальная солидарность не только уместна, но необходима, что любым попыткам покушения на идентичность положено давать однознач-

ный адекватный отпор.

Подлинно государственнический подход исходит из единства государства и единства нации, которые сами по себе представляют общую ценность. При этом он непременно учитывает, что, как уже сказано, нацию образуют не только отдельные люди («атомарные индивиды»), но и народы. И солидарность на уровне нации достигается в том числе солидарностью этнической и межэтнической.

Таким образом, госнационализм в идеале вбирает в себя этнонационализмы в качестве составных частей и одновременно формирует над ними надстройку – ценность единства, нивелирует противоречия, не допускает сползания к национал-экстремизму.

В моноэтнических странах, где государствообразующие народы количественно составляют свыше 95 % от численности населения (как в Дании, Польше, Венгрии, Японии, обеих Кореях), провести границу между этнонационализмом государствообразующего народа и госнационализмом трудно, да это и не нужно. В многонациональных странах она прослеживается так или иначе четко.

Описанная схема – идеальная. На практике, разумеется, нередко возникают противоречия, трения, конфликты, в том числе провоцируемые как недовольством этнонационалистов реальными или выдуманнными проблемами своих народов, так и чрезмерным усердием правительств по унификации культурных, языковых и прочих различий, излишне

надэтническим характером госнационализма.

Национальный экстремизм есть продолжение этнонационализма, но продолжение злокачественное, оспаривающее, подрывающее, отрицающее единство нации. Это «ультраэтнонационализм», а относительно госнационализма вообще – «антинационализм».

Нацэкстремизм утверждает превосходство одних народов над другими, а в радикальном своем проявлении – нацизме – прямо требует поражения «неполноценных» в правах и даже их уничтожения. Кризисные явления часто запускают рост экстремистских настроений, которые быстро становятся самостоятельным фактором дестабилизации и разрушения государств. Так было и с Российской империей, и с СССР.

Нацэкстремизм может быть и продолжением госнационализма. Наиболее показательные прецеденты были продемонстрированы в эпоху колониализма, особенно британцами. Идея «бремени белого человека» была экстремизмом чистой воды. Особенно когда она воплощалась на практике. Можно, разумеется, сослаться на то, что компенсацией часто выступали цивилизаторство и прогресс. В общем это так, хотя в конечном счете ответом на один экстремизм становился другой – в виде восстаний, терроризма и т. п. Последствия до сих пор приходится расхлебывать, и конца этому не видно.

Нацэкстремизм часто путают с этнонационализмом, и экстремистов такое положение дел в общем устраивает. Будучи «паршивыми овцами» и, как правило, маргиналами,

они охотно презентуют, или во всяком случае пытаются презентовать, себя в качестве лидеров, идеологов и рупоров всех националистов, чем служат отличную службу либеральной пропаганде, для которой национализм – одна из любимых мишеней.

3

Поговорим теперь об имперских нациях и империобразующих народах. Естественно, это разные понятия. (Германские нацисты попытались практически их отождествить. С известным результатом.) Как любое государство, любая империя создавалась при преимущественном участии одного народа или нескольких народов либо этнического конгломерата, переплавляющегося в новый народ непосредственно в ходе создания империи (как монголы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.